

ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Общероссийское общественное движение

125009, г. Москва, Малый Кисловский пер.,
дом 7, строение 1, помещение 21

тел./факс (495) 609-92-14, тел. (495) 691-62-33
E-mail: zpch@zaprava.ru; <http://www.zaprava.ru/>

**Замоскворецкий районный суд
г. Москвы судье Москаленко М.Б.
(Для направления в Судебную
коллегию по уголовным делам
Московского городского суда)**

**адвоката Шухардина Валерия
Владимировича,**

Адрес для корреспонденции:

125009, г. Москва, М. Кисловский пер.,
д. 7, стр.1, пом. 21

**в защиту интересов и по поручению
Косенко Михаила Александровича,
1975г.р., содержащегося в ФКУ СИЗО-2 УФ-
СИН России по г. Москве**

Постановление вынесено 08.10.2013г.

Жалоба подана 16.10.2013г.

Срок подачи не нарушен.

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА.

Прошу рассмотреть доводы апелляционной жалобы на Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 08 октября 2013 года в отношении Косенко М.А. в моем присутствии и с участием Косенко М.А.

О дне судебного заседания прошу уведомить заблаговременно.

До судебного разбирательства прошу ознакомить с производством по делу.

По итогам судебного заседания прошу ознакомить с апелляционным определением и протоколом судебного заседания и направить мне их надлежащие копии.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА.

Не могу согласиться с Постановлением судьи Замоскворецкого районного суда г. Москвы Москаленко М.Б. от 8 октября 2013 года о применении в отношении Косенко М.А. принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа, как незаконным и необоснованным, по следующим основаниям:

1. Несостоятелен вывод суда о совершении Косенко М.А. действий, попадающих под ст. 212 ч. 2 УК РФ участие в массовых беспорядках, как сделанный с существенным нарушением норм материального права.

Российское уголовное законодательство базируется на принципе личной ответственности, в силу которого лицо несёт ответственность за те действия, которые совершены им лично. В случаях совершения групповых преступлений, каждый их участник также несёт от-

ответственность за те действия, которые совершены им лично. Статьей 35 УК РФ (часть пятая) предусмотрено, что за преступления, совершённые другими соучастниками несут ответственность только лица, создавшие организованную группу, либо руководившие группой. Как указано в той же статье Кодекса, «Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 208, 209, 210 и 282.1 настоящего кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали». Из этого следует, что если, как в данном случае, лица, привлекаемые к ответственности за участие в массовых беспорядках, приняли в них участие не по предварительному сговору, а спонтанно, они не должны нести ответственность за деяния, совершённые другими участниками. В данном случае действия других соучастников должны быть квалифицированы как эксцесс исполнителя, за который в силу статьи 36 УК РФ должен нести ответственность только сам исполнитель действий, выходящих за рамки умысла других соучастников. Лицо, признанному не способным осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, чьи действия не характеризуются умыслом в обычном понимании этого слова, тем более не могут быть инкриминированы действия других лиц. Эти положения закреплены в нормах, содержащихся в статьях 434 и 439 УПК РФ.

Неспособность лица, в отношении которого ведётся производство о применении принудительной меры медицинского характера, осознавать фактический характер своих действий не освобождает суд от обязанности изложить вынесенном постановлении по делу в точных и ясных формулировках, понимание которых доступно, как минимум, защитникам и представителям этого лица. Лицо, в отношении которого ведётся производство о применении принудительной меры медицинского характера, не лишено права знать, в чём оно фактически признано виновным или к чему причастным (п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, подпункт «а» пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции).

В соответствии с частью четвёртой статьи 439 УПК РФ в постановлении о направлении лица в психиатрический стационар для применения принудительных мер медицинского характера должны быть изложены:

- 1) обстоятельства, указанные в статье 434 настоящего Кодекса и установленные по данному уголовному делу;
- 2) основания для применения принудительной меры медицинского характера.

Основанием для применения принудительной меры медицинского характера является совершение в состоянии невменяемости деяния, запрещённого уголовным законом (часть первая статьи 433 УПК РФ). В статье 434 УПК РФ предписано суду устанавливать время, место способ и другие обстоятельства совершённого деяния, а также совершено ли деяние, запрещённое уголовным законом, данным лицом. Именно это и должно быть указано в судебном постановлении по делу. Из чего следует, что инкриминировать лицу, в отношении которого в суд направлено дело для применения принудительных мер медицинского характера, можно только деяния, совершённые им лично – только таким образом может быть истолковано использованное законодателем выражение о деянии, совершённом данным лицом.

Между тем, в постановлении в отношении Косенко М. А. описание инкриминируемых ему действий перенасыщено описанием действий других лиц, соответственно по делу признаны потерпевшими несколько десятков людей, к причинению которым физического, морального либо имущественного вреда Косенко М. А., как это следует из результатов судебного следствия, никакого отношения не имеет.

В частности, Косенко М. А. не срывал ни с кого средства защиты (каска «Джета», бронежилет и т.п.), ничего не поджигал, не повреждал никакого имущества и вообще не совершал никаких подобных действий. Описание в постановлении действий других лиц, привлечение к делу в качестве потерпевших лиц, которым Косенко М. А. не причинял никакого вреда, не только искусственно увеличивает объём инкриминированных Косенко М. А. деяний, оно объективно направлено на создание впечатления о совершении им более опасного деяния, чем это было на самом деле. Признание факта совершения Косенко М. А. действий, в действительности совершённых другими лицами, может иметь преюдициальное значение при рассмотрении дел в отношении этих других лиц.

Запрет совершения того или деяния выражается в уголовном законе путём включения в диспозиции соответствующих статей особенной части описания запрещённых деяний. Совокупность признаков, необходимых и достаточных для отграничения преступного от непроступного, - т. е. состав преступления - является единственным основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Отсутствие хотя бы одного из признаков, образующих состав, означает отсутствие состава преступления.

В соответствии с действующим уголовным законодательством преступными признаются не любые массовые беспорядки, а лишь характеризующиеся определёнными, указанными в диспозиции соответствующей статьи особенной части Уголовного кодекса признаками. Статьёй 212 УК РФ установлена уголовная ответственность за организацию массовых беспорядков «сопровождавшихся насилием, погромами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также вооружённого сопротивления представителю власти», за участие в таких массовых беспорядках (т. е. также «сопровождавшихся насилием, погромами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также вооружённого сопротивления представителю власти»), и за призывы к таким же массовым беспорядкам.

Статья 212 помещена в главу 24 Уголовного кодекса РФ, включающую статьи о преступлениях, посягающих на общественную безопасность. Из этого следует, что объектом уголовно наказуемых массовых беспорядков является общественная безопасность. Наличие в деянии других объектов (общественный порядок, авторитет и служебная деятельность представителей власти и т. п.), если эти деяния не посягают одновременно на общественную безопасность, не позволяет квалифицировать такие деяния по ст. 212 УК РФ.

Такой же позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который в кассационном определении по конкретному уголовному делу указал, что «под массовыми беспорядками законодатель понимает преступление, нарушающее общественную безопасность и способное причинить тяжкие последствия в сфере экономики, политики, экологии, военной сфере, парализовать деятельность органов государственной власти и управления.

.....Применение огнестрельного оружия, причинение телесных повреждений и смерти потерпевшему, а также повреждение чужого имущества сами по себе, без приведенных выше признаков, не могут служить основанием квалификации по статье «массовые беспорядки» и должны квалифицироваться по соответствующим статьям материального закона». (Кассационное определение от 22 декабря 2005 года по делу № 80-о05-35сп).

Не влечёт уголовной ответственности по статье 212 УК РФ организация массовых беспорядков, участие в них и призывы к ним, если речь не идёт о беспорядках, посягающих на общественную безопасность, «сопровождавшихся насилием, погромами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также вооружённого сопротивления представителю власти».

В постановлении, вынесенном в отношении Косенко М. А., массовые беспорядки упоминаются как последствия действий неустановленных участников публичных мероприятий. Кроме того в постановлении указано, что третьи лица действовали с целью участия в массовых беспорядках.

В то же время в постановлениях не приведено описания конкретных действий участников этого массового мероприятия, которые могли быть квалифицированы как массовые беспорядки – погромы, уничтожение имущества, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, вооружённое сопротивление сотрудникам полиции. Не указано кого участники митинга громили, чьё имущество и каким способом (путём поджога, слома и т. п.) уничтожали, как и какое огнестрельное оружие, как и какие взрывчатые вещества и взрывные устройства применяли. Инкриминируемое применение Косенко М. А. насилия - нанесение одного удара рукой и одного удара ногой по телу сотрудника полиции Казьмина - не сопровождалось применением оружия.

Указанное в постановлении «сопротивление представителям власти» не является составообразующим признаком массовых беспорядков – в диспозиции статьи 212 УК РФ речь идёт не о любом сопротивлении представителю власти, а об одном из видов сопротивления: о вооружённом сопротивлении представителю власти.

В постановление о применении к Косенко М. А. принудительной меры медицинского характера включён перечень доказательств, подтверждающих, по мнению суда, утверждение об участии Косенко М. А. в массовых беспорядках и применение им насилия к сотруднику полиции Казьмину. В этом перечне имеется краткое изложение содержания каждого из доказательств, что позволяет судить об их относимости. Изложение содержания приведенных в постановлении доказательств (кроме показаний Лукьянова С., подтверждённых им на очной ставке с Косенко М. А., а также при проверке показаний на месте и при опознании им Косенко М. А.) не содержит сведений о совершении Косенко М. А. инкриминированных ему действий – при изложении этих доказательств Косенко М. А. вообще не упоминается. При этом если упоминание доказательств, подтверждающих наличие массовых беспорядков, к которым по утверждению следствия примкнул Косенко М. А., обусловлено необходимостью доказать, что массовые беспорядки имели место, то показания всех потерпевших (кроме Казьмина) и всех свидетелей (кроме Лукьянова), протоколы осмотра подобранных на месте происшествия предметов (металлических скоб, палок с обрывками флага чёрно-красного цвета, обломков деревянных брусьев, камней, фрагментов асфальта, разбитых бутылок, плакатов с антиправительственными надписями и т. п.) никакого отношения к инкриминированным Косенко М. А. действиям не имеют – на них не имеется следов, свидетельствующих о том, что Косенко М. А. прикасался к этим предметам, в описании его собственных действий не содержится указаний о манипулировании этими предметами, равно как и о произнесении им антиправительственных высказываний (либо о поддержке таких утверждений, нанесенных на подобранных на месте происшествия плакатах). Никаких иных намерений кроме выразить своё согласие с заявленными целями массового мероприятия следствие, судя по постановлению, не установило, те же цели, на которые имеется ссылка в постановлении («...выражение протеста против имевшихся, по мнению организаторов указанного мероприятия, злоупотреблений и фальсификаций в ходе выборов в Государственную Думу Российской Федерации и Президента Российской Федерации, а также высказывания требований честных выборов, соблюдения прав человека, законодательства Российской Федерации и её международных обязательств...»), заведомо не могут быть отнесены к антиправительственным.

Таким образом, подавляющее большинство перечисленных судом в постановлении доказательств не отвечают критерию относимости, в связи с чем их включение в постановление необоснованно, тем более что они не были исследованы в ходе судебного следствия и суд не вправе ссылаться на них в итоговом решении.

При перечислении доказательств, подтверждающих, по мнению суда, утверждение об участии Косенко М. А. в массовых беспорядках и применение им насилия к сотруднику полиции Казьмину, протокол допроса Лукьянова, очная ставка его с Косенко М. А., опознание им Косенко М. А. и его показания при проверке показаний на месте, необоснованно упоминаются в качестве отдельных доказательств. На самом деле, речь идёт об одном доказательстве – о показаниях, данных Лукьяновым при допросе его в качестве свидетеля и повторенных впоследствии при опознании, на очной ставке и на месте происшествия. Количество протоколов не равноценно количеству доказательств.

Никаких иных доказательств инкриминируемых Косенко деяний в ходе судебного следствия не установлено и в оспариваемом постановлении не описано. Этих доказательств явно недостаточно для вынесения обвинительного решения по делу.

Более того, в ходе судебного следствия защитой были представлены объективные доказательства видеозаписи и фотографии происшедших событий, а также показания свидетелей, согласующиеся в этих видео материалами, которые достоверно и убедительно подтверждают, что Косенко М. А. не наносил никаких ударов по телу потерпевшего Казьмина, он находился на некотором расстоянии от потерпевшего, в то время как некой группой лиц потерпевшему наносились удары. К тому же вред здоровью, установленный следствием, причинен Казьмину от ударов по голове. В то время как Косенко такие действия не инкриминировались.

Таким образом, Постановление от 8 октября 2013 года в отношении Косенко М. А. подлежит отмене как незаконное и необоснованное, а уголовное преследование в отношении Косенко М. А. должно быть прекращено по реабилитирующим основаниям.

2. Также несостоятелен вывод суда о соответствии требованиям закона и обоснованности положенного в основу оспариваемого постановления Заключения комиссии судебно-психиатрических экспертов от 24 июля 2012 г. № 690/а полученного по результатам амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы Косенко М.А., проведенной в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Данное заключение не соответствует принципам объективности, полноты и всесторонности, а выводы экспертов не являются научно обоснованными.

Согласно ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ) «государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах ... объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники» (ст. 4). «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме» (ст. 8). Кроме того, Приказом Минздрава России от 12 августа 2003 г. № 401 утверждена Инструкция по заполнению отраслевой учетной формы № 100/у-03 «Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов), которая устанавливает порядок производства судебно-психиатрических экспертиз и является обязательной для всех экспертных комиссий. Согласно этой Инструкции, задача экспертов не ограничивается глубоким изучением психического состояния испытуемого и момент исследования, они должны указать, каким образом имеющееся у испытуемого психическое расстройство нарушало его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в момент инкриминируемого ему деяния. Эксперты должны проанализировать все имеющиеся клинические версии, при этом «определяющим является принцип «равноправия» диагностических гипотез, в соответствии с которым недопустимо умаление или тем более игнорирование любой клинически значимой информации в пользу итоговой, конечной диагностической и экспертной концепции» (п. 2.2.5 Инструкции).

Однако комиссия судебно-психиатрических экспертов, проводившая амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу Косенко М.А., проигнорировала эти требования.

Заключение написано на 6 страницах, из них анамнез и материалы уголовного дела - на трех, психический статус - на полтора, ответы на 8 заданных вопросов с их обоснованием меньше чем на одной странице.

Анамнез жизни и болезни Косенко М.А. изложены четко, содержательно и достаточно полно для понимания выставленного психоневрологическим диспансером диагноза.

Во время разрешенного митинга на Болотной площади в возникшей толчее и потасовке с полицией Косенко, якобы, дважды ударил по телу бойца ОМОНа. Признавая свое присутствие в зафиксированном видеосъемкой месте, он категорически отрицает это обвинение.

В резком контрасте с внятным изложением анамнеза находится описание экспертами собственного исследования психического состояния подэкспертного и квалификация ими этих данных. Ни о какой полноте и объективности здесь речь не идет, перед нами целая коллекция всевозможных противоречий.

1. Эксперты оперируют привычными стереотипными штампами, не заботясь об их адекватности, не приводя примеров, не замечая собственных грубых противоречий даже в рядом стоящих фразах. «Подэкспертный не может адекватно оценить свое состояние и положение в сложившейся судебно-следственной ситуации. Критические функции у него нарушены. Склонен к диссимуляции психических расстройств». Но диссимулировать и пытаться диссимулировать невозможно, не понимая своего заболевания. При этом сами эксперты описывают обильную симптоматику с его слов, которые лишены всякого позерства, искусственности, а наоборот, прямолинейно-прямодушны.

2. Эксперты пишут, что подэкспертный апатичен, его эмоциональные реакции обеднены, малодифференцированы, эмоционально выхолощены, мимика однообразна, застывшая, на вопросы отвечает неохотно, сообщает о себе только при расспросе. И в то же время, что у него ускоренная речь в форме монолога, а при затрагивании субъективно значимых для него тем, заметно раздражается, повышая голос. Отмечает у себя постоянно тяжелые «самоосуждающие» мысли, «серое или черное настроение». Здесь не только противоречие, по еще и

профессиональная ошибка налицо очевидный депрессивный фон, который всегда был ему свойственен, подэкспертный всегда был и до сих пор остается на антидепрессивной терапии. Апатия в силу депрессии и в силу слабости - принципиально разные вещи. На фоне депрессии некорректно судить о степени снижения воли и энергетического потенциала, т.е., в какой мере выражена апатическая депрессия или апато-абулический синдром, а ситуация экспертизы и судебного дела неизбежно усиливают депрессивную окраску. Но эксперты с этим явно не считаются.

3. Эксперты уверенно говорят о «редукции энергетического потенциала», не замечая, как нелепо это выглядит в отношении человека, который почувствовав ухудшение своего состояния в СИЗО, начал заниматься аутотренингом, чтобы «не впасть в безумие», который, наконец, самостоятельно пришел для участия в митинге. Ни с апатией, ни с абулией это никак не вяжется.

4. Эксперты пишут об аморфности мышления, нецеленаправленности, непродуктивности, паралогичности, и в то же время цитируют его слова, что «он пошел на митинг, так как у него есть «политические убеждения», хотел их «проявить и высказать», чтобы «быть с народом». Заявил, что он «противник существующего режима», при этом говорит, что «власть существует сама за себя», «человек не защищен», и «нет свободы»».

5. Подгонка под шаблон выступает в кальке из учебника о «патохарактерологическом сдвиге в пубертатном периоде», тогда как подэкспертный был замкнут, необщителен с детства, а заболел в 18 лет, т.е. в юношеском, а не подростковом периоде.

6. Эксперты совершают и другие профессиональные ошибки: так они несколько раз, упоминая терапию подэкспертного, пишут о сонапаксе и тиориле как о двух разных нейролептиках, тогда как это один и тот же препарат. В написании обоих сделаны ошибки: сонапакс вместо соннапакс, теорил вместо тиорил. Причем эксперты не разъясняют суду (не потрудившись заглянуть в справочник), что соннапакс это очень мягкий, самый излюбленный в детской и гериатрической (преклонного возраста) психиатрической и реанимационной практике препарат, и что тот факт, что лечение подэкспертного осуществлялось все годы сильным антидепрессантом (золофтом) и таким мягким нейролептиком как соннапакс, является падежным подтверждением мягкого вялотекущего характера заболевания. А неоднократные указания на жалобы подэкспертного на сухость во рту и потребление им большого количества жидкости - указанием на добросовестный прием лекарств.

В результате, эксперты на основании однократной беседы в судебной, т.е. стрессовой для подэкспертного ситуации меняют диагноз подэкспертному, который ставил ему психоневрологический диспансер на основании многолетнего регулярного наблюдения и лечения: вместо «шизофрения вялотекущая, неврозоподобная, с выраженными изменениями личности в эмоционально-волевой сфере» они ставят «хроническое психическое расстройство в форме параноидной шизофрении». Это изменение диагноза не разъясняется суду. Между тем, важно указать, что тип течения шизофрении у подэкспертного действительно вялотекущий, и это надежно установлено психоневрологическим диспансером. Утверждение же экспертов о нарастающем «прогрессирующем» апато-абулическом дефекте вступает в грубое противоречие с реальными фактами: это не только не отмечено при динамическом наблюдении ПНД, но само участие в митинге на Болотной площади и объяснение подэкспертным этого участия исключает нарастание дефекта, разве что наоборот. Эксперты не разъясняют суду, что и параноидная форма может иметь вялотекущее течение и что тип течения намного более значимая характеристика, чем форма шизофрении, хотя бы и параноидная (бредовая).

Утверждение экспертов о диссимуляции больного также находится в полном противоречии с обильной выявленной ими симптоматикой, хотя продемонстрированная нами явная тенденциозность экспертов не исключает внушенного характера ответов, что является высоко вероятным, учитывая пассивную подчиняемость и тот самый «апато-абулический дефект», который они сами описывают. Больной простодушно прямолинейно ответил на вопросы о лечении у психиатров, его апатия имеет в большей мере депрессивную, а не абулическую (безвольную) природу, не случайно упор терапии всегда был на активизирующих антидепрессантах.

Описанный экспертами характер подэкспертного, манера его поведения, монотонный, однотипный субдепрессивный фон и эмоционально-волевое снижение противоречат каким-либо агрессивным побуждениям. В медицинской документации, которую цитируют экс-

перты, говорится, что в прошлом «агрессии Косенко М.А. никогда не проявлял». Ни родные, ни соседи на него не жаловались.

Не соответствует действительности указание на периодические обострения, которое неожиданно появляется в концовке заключения экспертов.

Эксперты не считают нужным обосновывать свои заключения примерами, которые только и значимы в таких случаях.

Эксперты совершенно отрываются от клинической почвы, когда, не приводя примеров, явно заостряют легкие признаки обнаруженных расстройств и нагромождают все виды бреда отношения, преследования, величия, заражения - хотя за месяц до их экспертизы, 25.06.12, на приеме в диспансере с участием представителя МВД Косенко М.А. держался уверенно, свободно, был совершенно откровенным относительно своих побуждений участвовать в митинге, признаков бреда, галлюцинаций, аффективных расстройств не обнаруживал. Так что это явное ухудшение состояния в условиях содержания в СИЗО, которое озвучил и сам больной, хотя мы видим здесь результат сочетания тенденциозного напора экспертов с депрессивно-гипобулическим состоянием подэкспертного.

Ни выставленный диагноз, ни группа инвалидности не тождественны неспособности подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Люди с такими диагнозами, инвалиды по спец. МСЭК, сохраняют немало прав, лишать которых недопустимо без веских и надежных оснований.

Сведения об агрессии подэкспертного основываются на большом доверии к показаниям бойца ОМОНа и видеосъемке, которая сама требует экспертизы. Косенко М.А. не только гражданин, обладающий равными правами, данная конкретная ситуация ассиметрична в его пользу, как слабой стороны. Психически больные такого рода как подэкспертный не лукавят, даже не умеют лукавить. Приписываемая подэкспертному агрессия противоречит всему стилю его личности и поведения на протяжении жизни, характеру его заболевания и апато-булическому дефекту и удостоверена многолетним наблюдением психоневрологического диспансера и самими экспертами, как показано выше.

Эксперты Государственного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского обнаружили явную тенденциозность «охранительного толка». Разве что они сочли опасным само участие в митинге на Болотной площади, хотя он был разрешен властями.

Вместо клинического увязывания данных в индивидуально значимую структуру эксперты продемонстрировали механический суммативный подход, избирательный подбор деталей, тенденциозность трактовок, явно односторонний взгляд на вещи, отсутствие малейшей попытки взглянуть на ситуацию с разных сторон. Таким образом, их исследование не может быть названо ни всесторонним, ни полным, ни объективным.

Ответы экспертов на все восемь вопросов следователи являются неудовлетворительными и необоснованными.

Отвечая на первый и третий вопросы, они ставят новый, намного более грубый диагноз параноидной шизофрении вопреки 12-летнему регулярному наблюдению ПНД, который удостоверил вялотекущую шизофрению. Эксперты умалчивают, что тип течения более существенная характеристика и что если параноидная симптоматика протекает вялотекущим образом, а это значит и вялая выраженность, и вялое течение и - главное - вялое нарастание дефекта, она квалифицируется как «вялотекущая шизофрения», а не «параноидная шизофрения», и это очень существенная разница.

Второй вопрос - «наменяем ли он в отношении инкриминируемого ему деяния?» - сформулирован действительно небрежно, но совершенно ясно, что имелось в виду, и эксперты не только вправе, но и должны были, переформулировав его корректным образом, ответить на него. Но они предпочли занять формальную позицию.

Отвечая решительно отрицательно на четвертый, пятый и шестой вопросы, эксперты опираются на свой искусственно и необоснованно утяжеленный диагноз, фактически отказывая Косенко М.А. во всех гражданских и политических правах не только на момент инкриминируемого ему деяния, но - в силу хронического монотонного вялотекущего протекания заболевания - на всю жизнь. Но их мнению, он не способен «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими», «не может понимать характер и значение уголовного судопроизводства и своего процессуального положения, не способен к

самостоятельному совершению действий, направленных на реализацию своих процессуальных прав и обязанностей, не может участвовать в судебном-следственных действиях». За этими под копирку повторенными шаблонными формулами не стоит, как мы подробно показали выше, не только мало-мальски серьезного объективного обоснования, но явно видно произвольное истолкование под предвзятое исходное мнение: согласно этой позиции экспертов получается, что нет никакой разницы, имеем ли мы дело с вялотекущим типом течения или нет, хотя Международная классификация болезней 10-ого пересмотра, принятая с 1999 года и в нашей стране, разводит «параноидную шизофрению» и «вялотекущую шизофрению», в том числе и с параноидной симптоматикой, в разные кластеры. Одинаковые практические выводы в отношении этих диагнозов послужили использованию психиатрии в политических целях в 60-80-е годы и стали основанием исключения советских психиатров из Всемирной психиатрической ассоциации. Перед нами, казалось бы, в заурядном деле Косенко М.А., оживает старая стилистика и технология искусственного натягивания принципиально более серьезного диагноза в деле, которое уже приобрело политическое звучание. Недалекость экспертов - в их усердной ориентации на непосредственную атмосферу обстоятельств дела, хотя требовалась простая профессиональная добросовестность.

Отвечая на седьмой вопрос - «Нуждается ли Косенко М.А. в применении к нему принудительных мер медицинского характера, если да, то каких именно?» - эксперты заявляют, что он «представляет опасность для себя и окружающих», вопреки прямо противоположным свидетельствам об этом и несоответствию этому его клинического состояния за нее последние 12 лет регулярного наблюдения ПНД. Пытаясь обосновать это, эксперты ссылаются на непрерывное течение, умалчивая о его вялотекущем характере и не смущаясь, прибавляют нигде до сих пор не фигурировавшие «эпизодические обострения психопатологических расстройств», якобы «возникновение параноидной бредовой симптоматики», которую они из латентной превращают здесь в манифестную, и договариваются до того, что опасность для себя и окружающих связана даже с эмоционально-волевыми личностными нарушениями подэкспертного, хотя сами описывали диаметрально противоположный всему этому апато-абулический рисунок переживаний и поведения Косенко М.А. Предложение экспертов направить Косенко М.А. на принудительное лечение нельзя рассматривать иначе, чем способ «закрыть дело» за счет судьбы больного человека. Наконец, нелепо предлагать принудительно лечить человека, который сам регулярно посещает ПНД и принимает назначенную терапию.

Наконец, на восьмой вопрос - «Если Косенко М.А. страдал и страдает психическим заболеванием, слабоумием или иным болезненным состоянием психики, отражается ли на его состоянии содержание под стражей в условиях камеры следственного изолятора, имеется ли угроза обострения заболевания или иная угроза его здоровью?» - эксперты пишут: «Вопрос № 8 не входит в компетенцию судебно-психиатрических экспертов». То, что содержание такого больного в СИЗО, в условиях изоляции от внешнего мира и привычной для него среды обитания, проведения следственных действий и ощущения предстоящей угрозы его жизни и здоровью, существенно ухудшит его психическое состояние, является несомненным и уже подтверждено конкретными фактами. Эксперты сами пишут, что подэкспертный почувствовал ухудшение своего психического состояния и начал заниматься аутотренингом, чтобы «не впасть в безумие». Уклонение экспертов от ответа на этот вопрос характеризует их самих и бросает очередную тень на учреждение, которое воспитывает таких экспертов.

Итак, заключение комиссии судебно-психиатрических экспертов от 24 июля 2012 г. № 690/а амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы Косенко М.А. нельзя признать ни объективным, ни всесторонним, ни полным. Оно отличается большим количеством внутренних противоречий и явной тенденциозностью.

Наряду с этим, вопреки описанной крайней противоречивости и тенденциозности заключения комиссии судебно-психиатрических экспертов, текст их заключения содержит достаточно весомых и красноречивых клинических свидетельств для обоснованных ответов на нее заданные восемь вопросов.

К сожалению, располагая через запятую набор выхваченных изолированных симптомов, не ранжируя их по надежности и обоснованности, не пытаюсь сложить их в несколько конкурирующих осмысленных клинических версий и обосновать перевес одной из них, исхо-

дя из которой и можно было бы ответить на все вопросы, эксперты проигнорировали элементарные клинические требования.

В результате, на все вопросы эксперты ответили неудовлетворительно, явно тенденциозно, прибегая к умолчаниям и даже выдумкам. Ни один из ответов не может быть признан научно обоснованным и тем самым не может быть положен в основу решения суда.

Таким образом, постановление суда о направлении Косенко М.А. на принудительное лечение в психиатрический стационар общего типа незаконно и необоснованно, и подлежит отмене.

3. Уголовное дело в отношении Косенко М.А. подлежит безусловному прекращению по тому основанию, что нарушен конституционный принцип справедливости.

В соответствии с требованием ч. 2 ст. 6 УК РФ, основанным на аналогичных нормах Конституции РФ (ч. 1 ст. 50) и Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод (ст. 4 Протокола № 7), никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление.

В международной правовой практике данная норма понимается, в том числе, как запрет на повторное уголовное преследование за деяние, которое уже было предметом исследования и оценки судом, независимо от того, совпадает ли юридическая оценка этого деяния в каждом случае.

Аналогичную правовую позицию сформулировал и Президиум Верховного Суда РФ в Постановлении от 3 октября 2007 г. № 241-П07, указав следующее:

«В силу ч. 1 ст. 50 Конституции РФ никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Как указано в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом страны».

Аналогичное предписание предусмотрено и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей, что никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства (п. 1 ст. 4 Протокола № 7 в редакции Протокола № 11). Запрет на повторное осуждение нашел отражение и в ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Таким образом, Конституция РФ, международные договоры РФ, регулирующие уголовное судопроизводство, и уголовный закон РФ исключают возможность повторного осуждения лица за преступление, за которое это лицо ранее уже было осуждено.

В ходе судебного следствия были исследованы по ходатайству защиты копии административного материала, составленного в отношении Косенко М.А., согласно которому мировым судьей судебного участка № 396 района Якиманка г. Москвы, он признан виновным в совершении 06.05.2012 в 20 час. 10 мин. по адресу: г. Москва, Болотная пл., д. 1, административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ - неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и ему назначено административное наказание в виде штрафа в размере 500 рублей (Том № 22, л.д. 62-72).

То есть Косенко М.А. уже понёс наказание за якобы совершенные противоправные деяния в этом же месте и в это же время.

В постановлении мирового судьи от 17 мая 2012 года (т. 22 л.д. 71-71) указано, что Косенко М.А. 06 мая 2012 года в 20 часов 10 мин., по адресу: г. Москва, Болотная площадь, 1 в составе большой группы молодых людей, вел себя агрессивно, прорвал оцепление, пытался создать суматоху среди граждан. На законные требования сотрудников полиции, которые доводились до граждан с помощью громкоговорящего устройства, о прекращении противоправных действий не реагировал, тем самым нарушил общественный порядок и общественную

безопасность, т.е. совершил правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Суд признал Косенко виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 500 (пятьсот) рублей.

Большая палата Европейского Суда по правам человека в постановлении от 10 февраля 2009 года по делу «Золотухин против России» подробно рассмотрела все аспекты права не быть судимым дважды за одно и то же – «non bis in idem». Европейский Суд в этом решении четко установил, что если лицо было признано виновным в совершении правонарушения и наказано в административном порядке по статье, санкция которой предусматривает наказание в виде ареста до 15-ти суток, то это можно трактовать как преследование в уголовном порядке. И повторное преследование в уголовном порядке этого лица содержит нарушение его права не быть судимым дважды.

Санкция ч. 1 статьи 19.3 КоАП РФ, по которой был признан виновным Косенко М.А. «влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток».

Таким образом, в настоящее время Косенко М.А. уже фактически осужден второй раз за те деяния, за которые он уже был осужден, что недопустимо.

При таких обстоятельствах, Постановление от 8 октября 2013 года подлежит отмене, как незаконное и необоснованное.

4. Об иных причинах и обстоятельствах неправомерности Постановления от 8 октября 2013 года в отношении Косенко М.А. подам дополнительную жалобу после ознакомления с протоколом судебного заседания и с производством по делу.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 389.15-389.18 УПК Российской Федерации, прошу Вас:

1. Отменить Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 8 октября 2013 года о применении в отношении Косенко М.А. принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа, как незаконное и необоснованное.

2. Уголовное дело в отношении Косенко М.А. прекратить.

16 октября 2013 года

В.В. Шухардин